

От Джеймса:

Энн Райс

*За то, что показала нам красоту в монстрах
И монстров в окружении прекрасного*

От Ребекки:

*Моим мужу и сыну за то,
что они защищали меня от монстров*

И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями.

И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати с нее?

И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее... И говорят: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати: ибо Ты был заклан и кровию Своею искупил нас Богу.

Откр. 5:1—3, 5:9

Я — Лазарь. Я воскрес из мертвых.
Вам все открыть вернулся; все открою.

*Т. Элиот
«Песнь Любви Дж. Альфреда Пруфрока»
(перевод О. А. Гераськина)*

БЛАГОДАРНОСТИ

На этой книге можно найти множество отпечатков пальцев в дополнение к тем, что оставили на ней два автора, имена которых обозначены на обложке. Прежде всего позвольте мне поблагодарить группу моих критиков: Салли Барнс, Криса Кроу, Ли Гаррета, Джейн О'Рива, Денни Грейсона, Леонарда Литгла, Скотта Смита, Пенни Хилл, Джуди Прей, Дейва Мюррея, Уилла Мюррея, Кэролайн Уильямс, Джона Киза, Кристиана Райли, Эмми Роджерс и в особенности Каролин МакКрей, которая помогала сдвигать это повествование с мертвой точки своими возражениями и сомнениями. И конечно же, Дэвида Сильвиана, который был моей правой рукой на всех этапах работы и после. Я не могу не выразить громкой благодарности Джо Конрату за все его усилия, направленные на то, чтобы это повествование получилось как можно лучше. А напоследок, конечно же, особый поклон четырем людям, играющим важные роли в моей карьере: моему редактору Лисе Кёш и ее коллеге Аманде Бержерон; моим агентам Руссу Галену и Дэнни Барору. И как всегда, я должен подчеркнуть, что ответственность за любые, да и вообще за все ошибки и

неточности в фактах и деталях ложится всецело на мои плечи.

Теперь Ребекка. Я хочу поблагодарить всех, кто работал изо всех сил, помогая вытащить эту книгу, да и меня саму на свет Божий, в том числе моих превосходных агентов Элизабет Эванс, Мэри Элис Кейр, Энн Коттл и Лису Кёш из издательства «Харпер». Этот роман и другие мои романы стали значительно интереснее благодаря великолепной редакторской группе Кони Инк, состоявшей из Кэтрин Уодсворт, Джудит Хит, Карен Холингер и Дэвида Деардорфа. Это было трудное путешествие, и я не смогла бы осилить его без постоянной и твердой поддержки моего надежного супруга и замечательного сына, экспертов по оружию для защиты семьи. Благодарю также и Джеймса за то, что пригласил меня принять участие в этой работе.

ПРОЛОГ

*73 год н. э., весна
Масада, Израиль*

Мертвые продолжали петь.

В трехстах футах над головой Елеазара звучал хор девятистот иудейских повстанцев, словно назло римскому легиону, стоящему перед воротами крепости. Защитники поклялись, что лишат себя жизни, но не сдадутся. Эти заключительные молитвы, звучащие с высоты и обращенные к Небесам, эхом раскатывались по туннелям, прорытым внизу вокруг центральной части горы Масада.

Мысленно простившись со стоящими под горьким палящим солнцем обреченными людьми, Елеазар усилием воли оторвал свой пристальный взгляд от крыши коридора, пробитого в известняковой скале. Как он хотел сейчас стоять позади них и петь с ними, с теми, кто должен будет отдать свою жизнь в последнем бою. Но судьба предрекла ему другое место.

Иной путь.

Он держал в руках этот драгоценный предмет; нагретый солнцем камень, размером с новорожденного ребенка, лежал у него на руке между ладонью и локтем. Бережно прижимая камень к груди, он протиснулся в грубо прорубленный проход, ведущий к центру горы. Каменотесы заложили зев про-

хода камнями. Никто из живых не мог последовать за ним.

Семь сопровождающих его воинов с факелами в руках выстроились в цепь впереди него. Мысленно они все еще наверняка были со своими братьями, с теми девятью сотнями воинов, оставшихся наверху, на залитом солнцем плато. Крепость пребывала в осаде уже не один месяц. Десять тысяч римских легионеров, расположившихся вокруг и разбив немыслимое число лагерей, окружили эту гору с расположенным на вершине городом-крепостью столь плотным кольцом, что ни один человек не мог ни войти, ни выйти из него. Закончив песнопение, восставшие поклялись лишить жизни и самих себя, и членов своих семей еще до того, как римляне преодолеют крепостные стены. Они молились, готовя себя к тому, чтобы убить невинных.

Мое место среди них.

Миссия Елеазара была столь же тяжелой, как камень в его руках. Его мысли постоянно возвращались к тому, что ожидало их внизу. Подземный храм. Он провел много часов в молитве в этом храме, стоя на коленях на каменных плитах, пригнанных настолько плотно друг к другу, что и муравей не смог бы проползти между ними. Он досконально изучил гладкие стены храма и его высокий сводчатый потолок. Его восхищала превосходная ручная работа мастеров, трудом своим сотворивших это святое место.

Но даже и тогда не осмелился он смотреть на саркофаг, стоящий в этом храме.

Та нечестивая, порочная надпись передавала самое святое слово Всевышнего.

Он плотнее прижал камень к груди.

Прошу тебя, Всевышний, освободи меня от этого бремени.

Эта последняя молитва, как и тысячи предыдущих, осталась без ответа. Жертвы восставших, оставшихся наверху, должны быть прославлены. Источник их ужасающей решимости и воли должен служить более возвышенной цели.

Дойдя до сводчатого входа в храм, Елеазар не мог решиться сделать шаг внутрь. Воины из его свиты, теснясь и толкая друг друга, занимали привычные места. Прижавшись лбом к холодной стене, он молил Всевышнего смягчить его страдания.

Никто не вышел из храма.

Его пристальный взгляд метался из стороны в сторону, пытаясь увидеть то, что происходит внутри. Мерцающий свет факелов, дрожащие тени на каменных блоках, из которых была сложена арочная крыша... Струи дыма, завиваясь, поднимались вверх, ища выход, но выхода не было.

Выхода не было не только для дыма, но и ни для кого из них.

Наконец его глаза остановились на той самой девочке, которую держали воины, на ее коленках. При взгляде на нее у Елеазара от жалости защемило сердце, но при этом он ни на секунду не забыл о возложенной на него миссии. Он надеялся, что она закроет глаза и ему не придется смотреть в них, когда наступит ее конец.

Вода в глазах...

Вот так его давно умершая сестра описывала эти невинные глаза, глаза своей дочери, своей маленькой Азувы.

И вот сейчас Елеазар пристально смотрел в глаза своей племянницы.

Все еще детские глаза — но на него смотрели отнюдь не глаза ребенка. Она уже успела повидать такое, чего ребенок видеть не должен. А скоро она уже ничего не сможет увидеть.

Прости меня, Азува.

Шепча последнюю молитву, он подошел к освещенному факелами саркофагу. Слабеющий огонь факелов отражался от беспокойных глаз одного из семи воинов, ожидающих его. Много дней сражались они с римлянами, зная, что для них концом битвы явится их собственная смерть, но такой конец их не радовал. Он кивнул им и человеку в мантии, стоявшему среди них. Девять взрослых мужчин собрались для того, чтобы принести в жертву ребенка.

Стоявшие рядом с девочкой мужчины поклонились Елеазару, словно святому. Но не знали они правды: не знали, насколько нечистым он был. Только он да еще тот, кому он служил, знали это.

У всех мужчин были кровавые раны; некоторым их нанесли римляне, другие получили свои раны от девушки, которую они пленили.

Пурпурное одеяние, которое на нее надели против ее воли, было слишком велико для нее, и она казалась в нем еще меньше, чем была на самом деле. Ее грязные руки сжимали разорванную куклу, сшитую из смуглой кожи, цвет которой был таким, какой бывает после загара в Иудейской пустыне; одна пуговица, пришитая вместо глаза, была оторвана.

Сколько же лет назад он подарил ей эту куклу? Елеазар помнит, каким восторгом вспыхнуло ее худенькое личико, когда он, опустившись на колени,

протянул ей ее. Вспомнил, как раздумывал над тем, сколько солнца могло попасть в это маленькое тело, чтобы лицо девочки излучало такой свет, так ярко сияло оно радостью и весельем при виде такого скромного подарка, сшитого из кожи и материи.

И вот он искал ее лицо сейчас, искал тот самый солнечный свет.

Но видел лишь смотрящую на него темноту.

Она, оскалив зубы, зашипела.

— Азува, — обратился он к ней.

Глаза, когда-то спокойные и прелестные, как глаза лани, посмотрели на него с дикой ненавистью. Она глубоко вдохнула и плюнула горячей кровью ему в лицо.

Елеазар пошатнулся, с изумлением почувствовав что-то мягкое, шелковистое на лице и ощутив железный запах крови. Дрожащей рукой он обтер лицо. Опустившись перед ней на колени, кусочком ткани стер кровь с ее подбородка и сразу отбросил от себя запачканную кровью тряпочку.

А потом он услышал это.

И она тоже.

Елеазар и Азува одновременно вскинули головы. Из всех, кто был в храме, только они слышали пронзительные крики, донесшиеся сверху, с плато на вершине горы. Только они узнали, что римляне пробились сквозь ряды защитников крепости.

Резня наверху началась.

Человек в мантии, заметив их движение, сразу понял, что произошло.

— У нас нет больше времени.

Елеазар посмотрел на человека в пыльной коричневой мантии, старшего среди них, того, который